

Методолого-психологические размышления в гуманистическом контексте. Очерк 3.

Георгий Балл

Продолжая размышления, содержащиеся в двух предыдущих очерках [3], автор делает акцент на связи между методологическими принципами и этико-психологическими регулятивами научно-познавательной деятельности. Обосновывается рационалистический подход к использованию в исследованиях (прежде всего, психологических) разнообразных источников и методологических средств.

1

Связь, о которой сказано в аннотации, собственно, хорошо известна. Ее констатировал еще в начале XX ст. выдающийся отечественный философ и психолог Г.Г. Шпет, однако при этом ставил под сомнение правомерность базирования методологических норм научного познания на психологической эмпирии. Он справедливо подвергал критике подход, согласно которому „дело логики соответствующей науки как будто сводится к изучению психологии самих исследователей в области специальной науки” (цит. по [19, с. 733 – 734]).

Само собой, научный работник должен владеть нормативным логико-методологическим инструментарием (и общенаучным, и специфическим для отдельных областей). И вместе с тем весьма важными (и неотделимыми от методологической проблематики) являются ценностно-смысловые основания научно-познавательной деятельности. Поэтому, рассматривая упомянутую Г.Г. Шпетом „психологию исследователей” с точки зрения приобщения последних к указанным основаниям, следует учитывать, опыт каких исследователей изучается. Если таких, которые искренне руководствуются ведущим нормативным смыслом научно-познавательной деятельности, а именно стремлением постичь рациональными способами истину относительно исследуемых объектов ([2, с. 102 – 105; 4, § 4.4]), и вдобавок достигли высокого уровня личностного развития, – есть основания ожидать от них профессионального поведения, сравнительно более совершенного и в методологическом плане. Под этим углом зрения можно обобщить ряд тезисов, изложенных в очерках [3]. Ориентируясь на их текст (и добавляя ещё некоторые соображения), укажу на такие моменты.

А. Самоидентификацию учёного с тем ли иным научным направлением имеет смысл рассматривать как частный случай идентификации с социальной ролью. Для высокоразвитой личности такая идентификация (и в общем случае, и в том частном, который нас сейчас интересует) является глубоко мотивированным, весьма значимым и ответственным актом, но вместе с тем не является фанатически-безоговорочной. В методологической проекции очерченное психологическое свойство способствует утверждению соответствующего научного направления в его определенности и специфичности и вместе с тем предотвращает его абсолютизацию, поддерживая необходимую для творческого развития степень самокритичности. Отмеченная в [3] более гибкая позиция, характерная для основателей научных школ¹ по сравнению с их приверженцами и последователями, имеет, наверное, одной из своих предпосылок более

высокий   уровень   личностного   развития   основателей.

Б. На отношения группировок, существующих в пределах науки, к другим научным подходам и школам должны распространяться общегуманистические принципы диалогического взаимодействия. Это означает, что отношения с ними (и вклады отдельных научных работников в эти отношения) отнюдь не должны сводиться к противостоянию. Г.Д. Левин в качестве принципов диалога, заслуживающих распространения, указывает те, которые выработала католическая церковь применительно к общению с другими конфессиями: „удовлетворение тем, что нас объединяет, и уважение к тому, что нас разъединяет” [13, с. 147]. Эти принципы прекрасны, но, наверное, недостаточны, так как оставляют открытым вопрос: что дальше (кроме уважения) делать с тем, что нас разъединяет, – оставлять таким, как есть, или всё-таки стремиться к сближению? Этот вопрос наиболее естественен для внутринаучного диалога, учитывая прежде всего сходство ценностно-смысловых установок его участников.

Итак, имея в виду такой диалог, следует, во-первых, уделять достаточное внимание осознанию и фиксации того общего, что есть в позициях сопоставляемых научных школ или подходов. Во-вторых, что касается расхождений, которые, безусловно, тоже должны фиксироваться, следует при помощи конкретного тщательного анализа определяться, где само содержание исследуемых проблем (а не идеологические или социально-психологические наслоения) действительно требует четкого выбора между позициями сторон как взаимоисключающими альтернативами, а где существуют возможности взаимного обогащения этих позиций (и подъем, благодаря этому, диалога на высшую ступень) или даже их синтезирования (см. обобщённую модель научного диалога в [4, § 4.3]). В-третьих, критика (значение которой как составляющей научного дискурса не ставится под сомнение) должна направляться не только на позицию партнеров по диалогу, а и на собственную (или собственной научной школы) позицию.

В. Вместе с тем не следует забывать и о том, что принципы гуманистически ориентированного социального поведения (так называемые „диалогические универсалии современного гуманизма” [2, с. 351 - 360; 4, § 1.3]) включают, наряду с уважением к партнеру, и уважение к себе – а также, конечно, к сообществам, с которыми идентифицирует себя человек. Для ученого такие сообщества могут быть выделены на разных уровнях – начиная, скажем, со своей научной школы и завершая мировым научным сообществом. Весьма важен промежуточный уровень – сообщество научных работников своей специальности; таким, в частности, является (или должно быть?) мировое научно-психологическое сообщество.

Как известно, в современном массовом сознании авторитет этого сообщества и степень знания и принятия его принципов и достижений, мягко говоря, невысоки – разве что речь идет о констатации генетически обусловленных психологических качеств (к осознанию, временами преувеличенному, значимости генов общество привыкло). Не буду анализировать здесь причины этого состояния дел, но отмечу досадное обстоятельство: недостаток уважения к указанным принципам и достижениям сплошь и рядом проявляют (может быть, невольно) сами психологи. Таковую тенденцию я усматриваю, например, в следующей характеристике гуманитарной методологии в интересной работе С.Л. Братченко: „Самым важным становится не столько понимание неких фактов и влияния на них тех или иных факторов, условий, механизмов и т. п., сколько отношение человека к этим фактам и воздействиям, смысл, который они для него приобретают” [6, с. 16]. Но именно отношения и смыслы являются важнейшими психологическими фактами, и кому

как не психологам на этом настаивать! Кому как не психологам выяснять факторы, условия, механизмы появления и изменения упомянутых отношений и смыслов – в максимальной мере учитывая индивидуальные особенности людей, с которыми работает психолог (о чем справедливо пишет Братченко), но учитывая и более общие психологические закономерности и опираясь при этом на достижения учёных-предшественников в их выявлении... Закономерностям, касающимся смыслов, современная психология уделяет, как известно, немало внимания – см. хотя бы [14, 20, 21].

В более широком плане следует подчеркнуть бессосновательность противопоставления наличия у человека субъектных качеств, с одной стороны, и подчинения его поведения определенным закономерностям, с другой. Сводить эти закономерности к тем, которые имеют „безголосые вещи”, в терминологии М.М. Бахтина [5, с. 364], так же неправильно, как вообще игнорировать наличие или значимость таких закономерностей. Остроумно комментируя тезис Ж.-П. Сартра „экзистенция предшествует эссенции” („существование предшествует сущности”), Пауль Тиллих писал: „...Если спросить: не содержит ли это предложение, вопреки его интенции, какого-либо утверждения относительно сущностной природы человека, – мы должны ответить: да, содержит! Особая природа человека состоит в его способности творить себя” (цит. по [16, с. 133]).

Г. Уважение к себе является сущностным свойством самоактуализирующихся людей. Перечень их характерных качеств, базирующийся на работах Абрахама Маслоу и его последователей, приведён в [2, с. 327 – 328]. Среди указанных в этом перечне качеств, непосредственно связанных с уважением к себе и весьма важных для продуктивной научной деятельности, напомним такие:

– открытое, спокойное, максимально непредубежденное отношение к миру, в частности к новым ситуациям, существенно отличающимся от тех, которые присутствовали в опыте данного человека. Для ученого это прежде всего принципиально новые познавательные ситуации, с которыми сталкивается, например, воспитанный в духе классической методологии исследователь при невозможности абстрагироваться от влияния, которое он оказывает на исследуемый объект;

– верность избранному делу (в частности, науке, а значит и основополагающим методологическим и этическим принципам научной деятельности) и вместе с тем готовность при изменении условий вносить необходимые изменения в свои взгляды и поведение. Учёный в непривычной познавательной ситуации конкретизирует способ применения упомянутых принципов соответственно новым условиям. Так, принципиальную установку на достижение истины рациональным способом он сохраняет и в отношении микрообъектов, но с тем важным уточнением, что истина выясняется относительно системы „микрообъект + прибор, управляемый исследователем” [3]. Здесь следует напомнить тезис В.С. Швырёва [22], согласно которому, при всех изменениях форм рациональности с прогрессом науки, остаётся актуальным ценностный аспект рационалистической традиции;

– высокая степень самопринятия, положительный образ „Я”, соответственно – уверенность человека в своих силах, его готовность преодолевать трудности, прибегая ради этого к нестандартным, творческим способам действий. В частности, типичные для психологического познания трудности, обусловленные высокой сложностью и субъектными свойствами исследуемых объектов, удается в значительной мере преодолеть, создавая простые модели (как, например, система трёх Эго-состояний, по Э. Бёрну), которые тем не менее улавливают важные качества этих объектов.

В только что упомянутом перечне качеств самоактуализирующихся лиц упоминается также о том, что они отдают предпочтение объективным, а не эмоциональным оценкам событий и людей, о их склонности не учитывать в общении поверхностных характеристик партнёров – таких как социальное или национальное происхождение, уровень образования, вероисповедание, внешность. В научно-познавательной деятельности эти качества (а также уже отмеченное выше открытое, непредубежденное отношение к миру) находят проявление, среди прочего, в готовности привлекать для использования в ней (в том числе и в методологических целях) разнообразнейшие источники (литературные, медийные, присутствующие в личном опыте и пр.), даже при их сомнительной в том ли ином плане репутации или непричастности, как кажется поначалу, к исследуемому предмету. Необходимо лишь, чтобы использование, о котором идет речь, во-первых, действительно было необходимо, то есть не могло быть безболезненно заменено обращением к более авторитетному, более информативному, более надежному источнику; во-вторых, содействовало решению задачи, которую поставил перед собой ученый, и, в-третьих, отвечало принципиальной нацеленности на достижение истины. Здесь прослеживается прямая аналогия с хрестоматийными строками Ахматовой о том, „из какого сора растут стихи, не ведая стыда”. Главным в обоих случаях – и в поэзии, и в науке – является не то, что используется, а то, как используется.

Некоторые применения очерченной установки можно считать общепринятыми, а их отстаивание – банальностью. Например, отдельная история из человеческой жизни или эксперимент, проведенный на слишком малой выборке, не могут служить основанием для констатации психологических закономерностей, но основаниями для формулирования исследовательской задачи, или даже для выдвижения гипотезы они вполне могут быть. Тем не менее включать такого типа материалы, скажем, в диссертацию, к сожалению, нередко опасаются. Поэтому, думаю, и этот маленький абзац не будет лишним. Но основное внимание я уделю, конечно, менее банальным применениям обсуждаемого принципа.

Отмеченное в разделе 1 скрытое отсутствие уважения учёных-психологов к своей науке, уверенности в себе как в полноценных учёных, одним словом – элементы комплекса неполноценности, – предопределяют настороженное отношение многих из них ко взаимодействию с другими науками, в особенности с формализованными дисциплинами. Вместе с тем следует признать, что мощные редуционистские тенденции в таком взаимодействии дают основания опасаться, не приведут ли они к вытеснению из научных построений психологического содержания. Тем не менее, признавая здесь наличие проблемы, следует соблюдать методологическую корректность в её решении. Ценностной же основой такой корректности является соблюдение очерченных выше установок.

В моей статье 1989 года, посвящённой взаимодействию психологии с формализованными научными дисциплинами (эта статья воспроизведена в [2]), был поставлен под сомнение тезис М.Г. Ярошевского, согласно которому реальность, обозначаемая психологическими понятиями, „не высвечивается, а затемняется, когда на нее проецируются схемы, сложившиеся при исследовании явлений других порядков” [25, с. 443]. Предпочтение было отдано другой формулировке этого выдающегося психолога (а именно: „И впредь успех следует ожидать там, где психологическая мысль будет взаимодействовать «на равных» с другими направлениями, а не растворяться в них” [25, с. 443 - 444]), а также тезису Л.М. Веккера: „...единый научный аппарат современной психологии складывается в результате взаимодействия пограничного, *внепсихологического* и *собственно внутриспсихологического* научного развития” [7, с. 8]. Обе последние формулировки, хотя и не содержат термина

„диалог”, но фактически (и справедливо) делают акцент на диалогических механизмах развития науки.

Что же касается первого процитированного тезиса М.Г. Ярошевского, то я теперь уточнил бы свою позицию, признав правильность этого тезиса как эмпирического обобщения проанализированной Ярошевским научной практики. Но данный тезис не является теоретически обоснованным и противоречит более широкому опыту взаимодействия наук. Как отмечалось в моей статье [2, с. 23], упомянутое Ярошевским „проецирование схем”, или, другими словами, использование аналогий между разнородными явлениями, – это один из приёмов, полезность которых подтверждена историей науки.

Подобную же мысль высказал недавно акад. В.С. Стёпин на „круглом столе” российских философов [9], где речь шла о взаимодействии естественных и гуманитарных наук: „Позиция, согласно которой в гуманитарных науках всё не так, как в естественных, скрыто означает, что в этой области (то есть в гуманитарных науках. – Г. Б.) нельзя ничего привлекать из методологии, развитой на материале естествознания. Но тогда мы закрываем путь, по которому чаще всего шло человеческое познание” [9, с. 60].

Конечно, надо находить адекватные способы обсуждаемого привлечения. В моей вышеупомянутой статье рассматривается вопрос о том, как достичь эффективного взаимодействия психологии с формализованными дисциплинами, избегая опасных соблазнов упрощенчества. Не воссоздавая здесь содержания статьи, остановлюсь лишь на одном из рассмотренных в ней вопросов. Как согласовать недизъюнктивность (континуальность) основных процессов, изучаемых психологической наукой (это их свойство, глубоко проанализированное А.В. Брушлинским, находит проявление, в частности, во взаимопроникновении стадий этих процессов, отсутствии между такими стадиями чётких границ), с дизъюнктивностью понятийных моделей, создаваемых в сотрудничестве с формализованными дисциплинами? Оказывается (и подтверждено опытом разработки, на стыке психологии и системологии, и применения общей теории задач), что такое согласование вполне возможно. Но оно требует: во-первых, построения достаточно густой сети дизъюнктивных понятий; во-вторых, сочетания разных вариантов соотнесения реальных (изменчивых и противоречивых) объектов с элементами указанной сети. Таким образом, снова находит подтверждение сформулированный выше принцип, предусматривающий внимание не только к тому, что используется, но, главное, к тому, как используется. Неприемлемы односторонние взгляды, которые безоговорочно то ли приветствуют, то ли отвергают применение в психологии формализованных моделей. Такое применение возможно и полезно – но при условии, что его технология отвечает требованиям, которые раскрывает методологический анализ.

Проблему взаимодействия психологии с формализованными научными дисциплинами не следует рассматривать изолированно; эта проблема естественно вписывается в широкую, мировоззренчески значимую проблематику взаимодействия научно-технической и гуманитарной сфер культуры (включая взаимодействие психологических механизмов, которые в наибольшей мере обеспечивают функционирование этих сфер). Как уже упоминалось в [3], весьма опасную черту современной цивилизации усматривают (цитирую Р. Трача [18]) в „диктатуре рационально-технического интеллекта” и пренебрежении „голосом сердца” и „идейно-интуитивным мышлением”. Конечно, и констатация деформированности современного интеллекта (каким он предстает в своих типичных

проявлениях), и призыв к его гармонизации заслуживают всяческой поддержки. Вместе с тем, тезис о „диктатуре рационально-технического интеллекта” требует, по-моему, некоторого уточнения. Я ставлю вопрос таким образом: следует ли считать человеческие действия, которые вызывают деградацию окружающей среды, провоцируют опасные конфликты и т. п., – достойными проявлениями интеллекта, пусть даже рационально-технического?

Здесь возникают немалые сомнения, о чем уже шла речь в [3]. Теперь попробую дополнительно конкретизировать их, обратившись к анализу понятия алгоритма. Основанием для этого является то, что одна из главных функций рационально-технического интеллекта состоит в создании алгоритмов, руководствуясь которыми то ли люди (в минимальной степени привлекая интеллект), то ли автоматы становятся способны решать разнообразные задачи...

Впрочем, обращаю внимание читателей: в предыдущем предложении я нарочно воссоздал очень распространенную нечеткость в применении понятия алгоритма, важного, на мой взгляд, для понимания проблем современной цивилизации. Как известно, это понятие родилось в математике, где алгоритмы издавна разрабатывались и использовались в качестве средств, позволяющих решить любую задачу определенного класса (как, скажем, – вспомним элементарнейшие примеры – алгоритм деления пополам отрезка прямой или алгоритм нахождения произведения двух многозначных чисел). Становление информатики, с ее первостепенной заинтересованностью в автоматическом воспроизведении самой алгоритмической процедуры (чётко определённой последовательности однозначно выполняемых операций), стимулировало внедрение более широкого понятия алгоритма (как предписания о выполнении такой процедуры) – понятия, абстрагированного от задач, которые благодаря этой процедуре решаются (или не решаются). Итак, необходимо четко различать это широкое понятие и более узкое традиционное понятие алгоритма решения задач определенного класса (детальнее см. [1, § 3.2]).

На указанное обстоятельство в 60-е годы обратила внимание известный украинский учёный в области программирования Екатерина Логвиновна Ющенко [24]. Компьютерные программы являются средствами представления и реализации алгоритмов, трактуемых в широком смысле, – и потому, конечно, совсем не всегда обеспечивают решение всех задач того или иного класса. Причем так бывает даже в том случае, если эти программы разрабатывались именно для решения задач определённого класса. Речь идет о так называемых эвристических программах: такая программа не реализует алгоритма решения любой задачи данного класса (не исключено, что такой алгоритм вообще не может быть построен), но в ряде случаев всё-таки обеспечивает нужный результат. Интересно, что это положение дел детально осветил осведомленный в информатике психолог К.М. Шоломий [23], объяснив своим коллегам то, что казалось им едва ли не мистикой: как это вычислительной машине удается решать задачи, алгоритм решения которых, мол, в неё не введён и, может быть, вообще никому не известен.

А теперь – ближе к тематике этого очерка. В современном обществе алгоритмизированные технологии широко используются для осуществления преобразований, которые затрагивают судьбы людей, человеческих сообществ, экологических систем и т. п.. При этом, однако, даже если ставятся задачи по соблюдению безопасности и поддержанию надлежащего состояния указанных сложных объектов и ради решения этих задач разрабатываются алгоритмы, они (относительно реальных объектов, а не их моделей,

используемых при проектировании) функционируют в лучшем случае на уровне, близком к упомянутым выше эвристическим программам. Ясно, что модели, о которых идет речь, должны быть как можно более совершенными – соответственно, более надежными будут результаты решения задач. Когда шаги в таком направлении не делаются, это значит, что плохо действует не только „идейно-интуитивное мышление”, а и рационально-технический интеллект. Другое дело, что причина тому, помимо прочего, и недостаточный уровень мотивации деятельности по совершенствованию моделей, а эта мотивация, в свою очередь, зависит от нравственно-духовной воспитанности людей, принимающих участие в очерченных процессах. Но это как раз аргумент в пользу единства культуры, которое достигается тесным, взаимообогащающим взаимодействием её составляющих, – к чему я, собственно, и призываю.

В более узком же плане, соответствующем главной обсуждаемой здесь теме использования в психологии достижений смежных, в том числе формализованных, наук, убеждаемся в том, что углубленный анализ понятия алгоритма (на первый взгляд, важного только для математики и информатики) оказывается полезен и психологу с учетом его не только прикладных, а и мировоззренческих интересов.

3

Препятствиями на пути использования каких-либо источников и средств в психологических исследованиях могут быть не только сомнения то ли в их надежности и информативности, то ли в причастности к сфере психологии или сущностной связи с ней. Кроме того, источники могут быть ценностно неприемлемыми или для самого научного работника, или для лиц, групп, организаций, от которых он находится в зависимости того или иного типа.

В Советском Союзе, как известно, принудительное табу на упоминание в публикациях широкого круга персоналий и тем было очень жёсткое. Это табу часто определяют как идеологическое, но в значительной мере оно было скорее полицейским. Для попадания в „чёрные списки” автору совсем не обязательно было высказать какие-то нежелательные для власти мысли; вполне достаточным было просто эмигрировать из СССР (или хотя бы выразить такое желание). Так случилось со многими творческими людьми, и среди них – с супружеской парой московских психологов – Л.Н. Ландой и М.С. Неймарк.

Поделюсь интересным, как мне кажется, воспоминанием. Где-то в 1977 году меня вызвали в „спецчасть” Научно-исследовательского института психологии УССР (ныне – Институт психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины) и предложили расписаться в том, что я ознакомлен с секретным письмом, поступившим на имя директора института. Письмо, подписанное первым заместителем Министра просвещения СССР, было очень короткое: „Настоящим довожу до Вашего сведения, что Лев Наумович Ланда и Мария Соломоновна Неймарк не внесли существенного вклада в психологическую науку”. Этот текст выглядит своего рода шедевром: по концентрации в одном небольшом предложении того, что в цивилизованном обществе считается аморальным, он, наверное, оставляет позади все достижения сатирической литературы. В самом деле, здесь и превышение служебных полномочий (ведь и в те времена чиновник официально не должен был определять за научных работников степень вклада их коллег в науку), и наглая лож (поскольку со стороны Ланды и Неймарк существенный вклад в науку – прежде всего, в педагогическую психологию – как раз имел место и это было хорошо известно широкому кругу работников просвещения), и препятствование научной коммуникации (поскольку действительный, хорошо понятный советским людям смысл указания состоял в запрете ссылаться на работы

названных авторов), и унижение достоинства ученых (и тех, кого позорили, и тех, кого вынуждали выполнять позорные указания), и, наконец, двойная трусость (указание не только давалось в закодированной форме, но еще и засекречивалось).

Конечно, я вспомнил эту давнюю историю не только для того, чтобы развлечь читателей историческим курьезом, лишний раз осудить тоталитаризм и порадоваться тому, что его время прошло. Это, конечно, хорошо, но нынешнее время ставит свои проблемы. Известно, что расширение внешней свободы делает поведение человека более зависимым от степени его внутренней свободы и ответственности. В этих условиях перед научными работниками встают новые требования, в которых тесно переплетаются методологический и этический аспекты.

Хорошо, что грубый идеологически-административный диктат, проиллюстрированный моим воспоминанием, ныне невозможен. Но куда не делись (и не денутся) социально-психологические влияния на научного работника. И если в советские времена в публикациях по общественной проблематике редакторы всячески поощряли (а нередко настойчиво требовали) ссылки на классиков марксизма-ленинизма (а также на последние решения КПСС), то сейчас автор публикации трижды подумает, прежде чем отважиться на такую ссылку, даже если она уместна с точки зрения излагаемого содержания. Ведь никому не хочется иметь имидж ретрограда или приверженца тоталитаризма...

Тем не менее научный работник, по-настоящему уважающий себя и свою профессию, должен освобождаться от такого рода опасений. Здесь уместно снова обратиться к неоднократно уже упоминавшемуся мной перечню качеств самоактуализирующихся лиц. Среди этих качеств присутствует, в частности, несущественность для такого лица принятых внешних форм поведения. Последние, однако, не отбрасываются нарочито; неконвенциональность самоактуализирующегося лица „имеет внутренний, относящийся к существу дела характер” (цит. по [2, с. 327]). В приведенной цитате я выделил слова, которым придаю особый вес.

Реальное освобождение научных работников от остатков тоталитарной ментальности предусматривает не примитивные инверсии (когда сжигают то, чему поклонялись), а последовательный отказ от моделей коммуникативного поведения в науке, которые, подчиняя это поведение венаучным факторам, наносят ущерб и науке, и общественной морали. Вместо этого ученый должен сосредоточиваться на сути дела.

Именно так (а могло ли быть иначе?) поступает, например, Серж Московичи, когда критически анализирует взгляды марксистов и, в частности, В.И. Ленина на соотношение научных и повседневных знаний [26, с. 375]. Московичи является последовательным противником тоталитаризма (с разными политическими направлениями которого ему пришлось лично столкнуться в юные годы в Румынии). Но смешно даже вообразить, что это могло побудить его не упоминать идеи Ленина там, где такое упоминание служило развертыванию содержания, которое интересовало Московичи.

Мы справедливо осуждаем присущую тоталитарному режиму политизацию общественных (в значительной мере, и других) наук и философии. Однако, не проявилась ли такая политизация и в постсоветский период, например в той инверсии, которую испытало доминирующее отношение к диалектическому материализму? Из того непреложного факта, что коммунистический тоталитаризм предоставлял монопольный статус этому философскому направлению (и этим в большой мере содействовал его вульгаризации),

отнюдь не вытекает сущностной связи между ними. На такой связи (не употребляя, конечно, термина „тоталитаризм“) настаивали как раз коммунистические идеологи, равно как и на том, что „буржуазная философия“ является служанкой капиталистов. Ирония состоит в том, что обличители тоталитарного прошлого воссоздают характерные для тоталитаризма ментальные модели.

Что же касается сути дела, то я бы прислушался, например, к В.М. Князеву, который, рассматривая, в частности, соотношение между объективной и субъективной реальностью, подчеркивает, что „диалектико-материалистическое решение этого вопроса вполне правомерно“ [11, с. 74] (предостерегая вместе с тем против признания этого решения „единственно истинным“ [там же]).

В нынешней философской литературе мы встречаем очень разные оценки диалектического материализма – от его характеристики как „тщательно разработанной, стройной и последовательной философской системы, не уступающей по своей глубине и смелости философским системам Канта, Гегеля, позитивизма и т. п.“ [17, с. 20], до утверждения, согласно которому дискуссии, продолжающиеся в его рамках, осуществляются „на предельном удалении от стержневых вопросов современного философствования“ [8, с. 308].

Правда, приведенные суждения не так уж противоречат друг другу, как кажется. В самом деле, они очень различаются смыслами, которые имеет для их авторов (и, наверное, для социальных групп, референтных для этих авторов) предмет „диалектический материализм“, в них легко усмотреть противоположные отношения к этому предмету, но высказанные в них историко-философские значения² (не будем выяснять, насколько истинные) не являются несовместимыми: ведь эти суждения очерчивают место диалектического материализма в мировой философии, прибегая к разным временным масштабам – масштабу столетий в первом случае и масштабу десятилетий во втором. Это обстоятельство является благоприятной предпосылкой для возможного (и желательного) диалога между приверженцами представленных позиций.

Однако независимо от перспектив такого диалога, существуют, на мой взгляд, достаточные основания считать, что по крайней мере в психологической сфере эвристический потенциал диалектического материализма не исчерпан.

В частности, в психологии мы сплошь и рядом сталкиваемся с действием закона отрицания отрицания и, соответственно, со спиральным характером процесса развития, когда при сопоставлении трех последовательных (реальных или возможных, виртуальных) стадий развития органической системы оказывается, что третья стадия в чем-то повторяет первую, но на новом уровне.

В подтверждение сказанного обратимся хотя бы к выдвинутой в начале XX ст. А.Ф. Лазурским концепции трех уровней развития личности (в терминологии автора – „психических уровней“), а именно: низшего, среднего и высшего. Представители низшего уровня оказываются не способными должным образом приспособиться к социальной среде. „В противоположность этому, люди, относящиеся к среднему психическому уровню (если только они не являются извращенными³...), обладают гораздо большей способностью приноровиться к окружающей среде, найти в ней свое место и использовать ее для своих целей“ [12, с. 62]. Что же касается представителей высшего уровня, то они обладают еще гораздо большим психологическим ресурсом и настроены на то, чтобы приспособивать

окружение к своим представлениям и ценностям. „Необходимо только помнить, – предупреждает Лазурский, – что процесс творчества, переработка действительности сообразно своим идеалам и стремлениям никогда не дается им даром, а почти всегда сопровождается упорной борьбой и различными лишениями, духовными или материальными... Благодаря этому представители высшего уровня, даже в случае успеха своих планов и стремлений, нередко оказываются в социальном плане устроившимися гораздо хуже, нежели обыкновенные, средние люди” [12, с. 63].

Созвучны с идеями Лазурского (и соответствуют общим диалектическим закономерностям) результаты новейших исследований зависимости социальной адаптации от уровня одаренности. Согласно этим результатам, „проявления тревоги и адаптивности детей и взрослых с т. н. нормальной одаренностью принципиальным образом отличаются от особенностей детей с особой одаренностью. Если первые принципиально лучше приспособляются к окружению, чем обычные дети..., то особо одарённые дети и взрослые характеризуются резким снижением адаптационных характеристик. Иначе говоря, связь одаренности и адаптивности... криволинейная...” [15, с. 25].

В другом исследовании было установлено существенное отличие по психофункциональным характеристикам между группой работников со средней успешностью и группой очень успешных, которая оказалась „до некоторой степени близкой к профессионалам низкой успешности. Так, для обеих крайних групп были характерны высокая тревожность и склонность к депрессивным реакциям, эмоциональная неустойчивость и выраженное невротическое реагирование на трудности. Группа средне успешных была более приспособлена эмоционально и психосоматически к условиям некоторого „среднего” социального существования. Основные же различия между профессионалами высоко- и низкоуспешными выявились в *сфере смысловой регуляции* внешней и внутренней активности” [10, с. 178].

Как мне кажется, приведенный материал свидетельствует в пользу того, что ориентация на общие диалектические закономерности бытия способна помочь психологам в осмыслении получаемых ими результатов и выдвижении гипотез, подлежащих проверке в ходе дальнейших исследований. Зачем отказываться от таких возможностей? Неужели из-за того, что тоталитарные режимы старались использовать диалектический материализм в своих целях? Или потому, что существуют более новые и, вероятно, более перспективные философско-методологические концепции развития, связанные, в частности, с синергетикой? Так кто же возражает – изучайте и используйте их!

***

Какова главная мысль этого очерка? Она проста и состоит в призыве к психологам: в соответствии с присущей гуманистическому мировоззрению (и гуманистической ментальности) установкой на открытое и непредубежденное отношение к миру (в частности, к людям, к человеческим сообществам, к феноменам культуры) не отвергайте в своей работе никаких источников и методологических средств, какими бы несолидными, экзотическими или якобы скомпрометированными они ни были. Но пользуйтесь ими разумно, учитывая суть дела (это позволяет говорить о соблюдении принципа рационализма).

В следующих публикациях я хотел бы сосредоточиться:

во-первых, на весьма важной (в частности, для психологии) и живо обсуждаемой ныне проблеме специфики гуманитарной науки (или, точнее, гуманитарной ориентации в науке, или как ещё говорят, культуроцентрических подходов, в отличие от натуралистических [9, с. 62]). Хотелось бы лучше разобраться в том, не влияет ли эта специфика на ведущий нормативный смысл научно-познавательной деятельности, сжато очерченный (см. выше, раздел 1) как стремление к достижению истины рациональными способами;

во-вторых, на категории гармонии, анализ которой необходим, в частности, для теоретического осмысления гуманистических подходов в психологии и педагогике.

Литература:

1. Балл Г.А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
2. Балл Г.А. Психология в радиогуманистической перспективе: Избр. работы. – К.: Основа, 2006. – 408 с.
3. Балл Г. Методолого-психологічні роздуми в гуманістичному контексті // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 3 – 14; 2007. – № 2. – С. 14 – 26.
4. Балл Г.О. Орієнтири сучасного гуманізму (в суспільній, освітній, психологічній сферах). – К.; Рівне: Видавець Олег Зень, 2007. – 172 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
6. Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования. – М.: Смысл, 1999. – 137 с.
7. Веккер Л.М. Психические процессы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – Т. 1. – 334 с.
8. Грицанов А.А. Диалектический материализм // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 307 – 308.
9. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 57 – 82.
10. Карпиловская С.Я. Смысловая саморегуляция в контексте жизненных притязаний // Наук. студії із соціальної та політичної психології. – К., 2004. – Вип. 8 (11). – С. 172 – 182.
11. Князев В.Н. Философия физики // Философия науки. Методология и история конкретных наук: Учебное пособие. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 68 – 112.
12. Лазурский А.Ф. Классификация личностей: Изд. 3-е, перераб. / Под ред. М.Я. Басова и В.Н. Мясищева. – Л.: Госиздат, 1924. – 290 с.
13. Левин Г.Д. О принципах диалога материалистов с верующими // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 146 – 150.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
15. Лукаш Е.Ю. Отношение к социальной адаптации у творчески одаренных детей в России и США // Вопр. психологии. – 2004. – № 4. – С. 22 – 30.
16. Мей Р. Становлення екзистенційної психології // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – К.: Пульсари, 2001. – Т. 1. – С. 124 – 162.
17. Никифоров А.Л. Философия в системе высшего образования // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 17 – 23.
18. Трач Р. Нігілізм як виклик (Сучасна духовна криза і психологія) // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – К.: Пульсари, 2005. – Т. 2. – С. 9 – 35.

19. Философия науки: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. – 992 с.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
21. Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопр. психологии. – 2003. – № 5. – С. 18 – 33.
22. Швырёв В.С. Рациональность в современной культуре // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 105 – 116.
23. Шоломий К.М. О различии между эвристическими и неэвристическими программами // Вопр. психологии. – 1969. – № 3. – С. 37 – 45.
24. Ющенко Е.Л. Адресное программирование. – К.: Гостехиздат, 1963.
25. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки: Изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.
26. Moscovici S., Marková I. Presenting social representations: A conversation // Culture & Psychology. – 1998. – Vol. 4. – No. 3. – P. 371 – 410.
- 1 Ф. Ницше, с его склонностью к гиперболам, даже утверждал, что «еще не существовало философа, который не смотрел бы с пренебрежением... на философию, открытую им в юности» (цит. по [19, с. 172]).
- 2 Понятия значения и смысла трактуются здесь по А.Н. Леонтьеву; см. также попытку развития этой трактовки в [2, с. 97 – 108; 4, § 4.4].
- 3 Имеются в виду т. н. извращенные типы личностей, по классификации А.Ф. Лазурского.